

СРЕДНЕЕ (ПОЛНОЕ) ОБЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

И. Н. Сухих

ЛИТЕРАТУРА

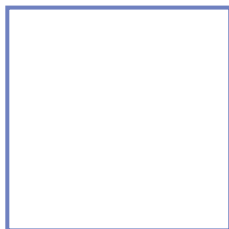
*учебник для 10 класса
(базовый уровень)*

В двух частях

Часть 2

Рекомендовано
Министерством образования
и науки Российской Федерации

7-е издание

ACADEMIA
Москва
Издательский
центр «Академия»
2013

Филологический
факультет СПбГУ
2013

УДК 372.882.09.046.14я721
ББК 74.268.3(075)
С912

Дизайн:
К.А. Крюков

Сухих И. Н.

С912 Литература : учебник для 10 класса : среднее (полное) общее образование (базовый уровень) : в 2 ч. Ч. 2 / И. Н. Сухих. — 7-е изд. — М. : Издательский центр «Академия», 2013. — 272 с.
ISBN 978-5-7695-9630-8

Учебник соответствует программе И. Н. Сухих и Федеральному компоненту Государственного стандарта общего образования. Он может быть использован практически в любом учебном комплекте по литературе. Вводные разделы дают целостное культурно-историческое представление о развитии русской словесности XIX в. Главы о писателях строятся как драматические очерки, эссе. Разборы конкретных произведений отражают многообразие их проблематики и поэтики. Вопросы и задания различной степени сложности предполагают разные способы работы и серьезно расширяют культурный контекст.

Для учащихся 10 классов, изучающих предмет на базовом уровне.

УДК 372.882.09.046.14я721
ББК 74.268.3(075)

Оригинал-макет данного издания является собственностью Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом без согласия правообладателя запрещается

ISBN 978-5-7695-9630-8 (Ч. 2)
ISBN 978-5-7695-9629-2

© Сухих И. Н., 2008
© Образовательно-издательский центр «Академия», 2008
© Оформление. Издательский центр «Академия», 2008

(1840—
1880-е)

второй период русского реализма

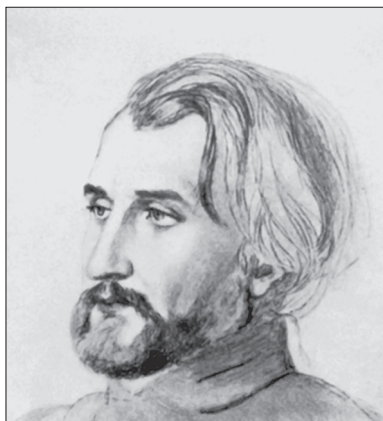
Иван Сергеевич
Тургенев

Федор Михайлович
Достоевский

Лев Николаевич
Толстой

Михаил Евграфович
Салтыков-Щедрин

Николай Алексеевич
Некрасов

Иван Сергеевич

ТУРГЕНЕВ

**(1818–
1883)**

**Усадьба и университет:
проза и поэзия**

Жизнь Тургенева кажется примером того, как многое в нашей жизни предопределено местом и обстоятельствами рождения. Красивый, двадцатидвухлетний Сергей Николаевич Тургенев был родовит, но очень беден. Варвара Петровна Лутовинова — на 6 лет старше, некрасива, не очень образована, но у нее было 5 тысяч крепостных крестьян, 600 тысяч рублей да несколько имений, перешедших в наследство от дяди.

Гусарский офицер, приехавший в Спасское-Лутовиново покупать лошадей, долго раздумывал, но потом, скрепя сердце, подчиняясь мольбам отца, сделал предложение. Это был типичный брак по расчету: свою родословную и редкую красоту жених продавал за богатое приданое. Хозяйкой и распорядительницей в доме все равно оставалась женщина.

Венчались и играли свадьбу, вопреки обычаю, в имении жены: Варвара Петровна сразу продемонстрировала, кто в доме хозяин. Сын Иван родился 28 октября (9 ноября) 1818 года в Орле. Он был вторым ребенком, брат Николай появился на два года раньше.

Даже став семьей, родители жили разной жизнью. Отец не вводил жену в круг своих знакомых, имел любовные романы на стороне, равнодушно смотрел на происходящее в доме, в том числе на воспитание сыновей. Он умер в 1834 го-

ду, в 42 года, превратившись для Варвары Петровны в удобное поэтическое воспоминание.

Но подлинной поэзии в быте Спасского было мало. Сделавшись наследницей огромного состояния и властительницей абсолютно зависимых от нее людей, Варвара Петровна словно мстила кому-то за годы унижения (она рано осталась без родителей и жила приживалкой в доме дяди), за несчастный брак и неудавшуюся жизнь. Приливы сентиментальности в ее жизни чередовались с приступами жестокости.

В одном из своих имений она устроила приют для бедных соседок-дворянок. В Спасском были богадельня, больница и крестьянское училище. Но провинившихся дворовых секли или отправляли в солдаты, детей безжалостно разлучали с матерями, и даже задиристый индюк, обидевший любимого петуха барыни, по ее приказу был живьем закопан в землю.

Детей Варвара Петровна тоже воспитывала методом кнута и пряника.

В четыре года Тургенев впервые увидел Европу: семейство на собственных лошадях через Берлин и Цюрих приехало в Париж, где задержалось на полгода. В большом штате сопровождающих числился домашний доктор А. Е. Берс, отец будущей жены Л. Н. Толстого. Нанимать гувернеров для детей Сергей Николаевич специально ездил в Швейцарию. Естественно, что Тургенев уже в детстве свободно говорил и читал на трех европейских языках, был светски воспитанным ребенком, ни в чем не знал отказа. Тургенев, вообще, самый богатый человек из больших русских писателей.

Однако семейный разлад, приступы гнева и ревности госпожи-хозяйки не обходили и детей. Их, как и дворовых, часто секли, отец совершенно не вмешивался в это, добавляя к наказаниям «спартанские» методы воспитания: ранний подъем, холодные ванны, бегание вокруг столба на веревке.

Однажды Тургенев даже решился бежать из дома и был остановлен только немцем-учителем. После долгой беседы учителя с матерью мальчика на какое-то время оставили в покое.

Отдушинами, светлыми пятнами были обычные для дворянского ребенка вещи: природа, общение с крестьянскими детьми и дворовыми людьми, которые утешали и понимали. Внешний мир

своей добротой и разнообразием словно возмещал недостаток любви и согласия в родительском доме.

Из детства Тургенев вынес широкую образованность, тягу к красоте, ненависть к любым формам деспотизма, как общественного, так и семейного, но то же время безволие, слабость характера, «овечью натуру», как говорил он сам о себе.

В 1827 году семейство Тургеневых переехало в Москву: начиналось время учения. В 1833 году Тургенев поступает на словесное отделение философского факультета Московского университета, в следующем году переводится в Петербург. В Петербурге он впервые начинает писать, показывает свою поэму «Стено» университетскому профессору словесности и получает приглашение на литературный вечер.

Дальнейшее Тургенев хорошо помнил и через тридцать с лишним лет.

«Войдя в переднюю квартиры Петра Александровича, я столкнулся с человеком среднего роста, который, уже надев шинель и шляпу и прощаясь с хозяином, звучным голосом воскликнул: “Да! да! хороши наши министры! нечего сказать!” — засмеялся и вышел. Я успел только разглядеть его белые зубы и живые, быстрые глаза. Каково же было мое горе, когда я узнал потом, что этот человек был Пушкин, с которым мне до тех пор не удавалось встретиться; и как я досадовал на свою мешкотность! Пушкин был в ту эпоху для меня, как и для многих моих сверстников, чем-то вроде полубога» (*«Литературный вечер у П. А. Плетнева», 1869*).

Эта «невстреча» произошла в конце 1836 или в начале 1837 года. До «вечно печальной дуэли» (В. Розанов) оставалось всего несколько недель.

Зато на третьем курсе студенту Тургеневу пришлось слушать профессора Гоголя. Известный уже писатель оказался странным лектором. Он часто пропускал лекции, а когда все же читал их, студенты мало что понимали в бессвязном шепоте. На экзамен профессор явился с перевязанной щекой и не произнес ни слова.

Позднее, в Москве, Тургенев еще раз встретился уже со знаменитым автором «Мертвых душ» и слушал «Ревизора» в авторском исполнении. Также мельком он видел Крылова, Жуковского, Лермонтова.

Пушкинская эпоха стремительно уходила, возникал культурный разрыв. Не успевая передать эстафету, «боги» и «полубоги» бледной тенью мелькали в жизни людей сороковых годов. Гончаров тоже случайно увидит Пушкина на университетской лекции. Островский тоже услышит от Гоголя лишь несколько слов после чтения своей пьесы.

Но эти краткие встречи «дети» будут помнить всю жизнь. Не успев толком познакомиться и подружиться с создателями новой русской литературы, люди сороковых годов еще более ценили их книги. «Он был беспредельный фанатик Пушкина и Гоголя», — вспомнит о Тургеневе художественный критик В. В. Стасов, относившийся к этим писателям по-базаровски снисходительно. (Тургеневу такое отношение казалось святотатством.)

А в 1880 году, став знаменитыми писателями, уходящим поколением «отцов», Тургенев, Островский, Достоевский будут произносить речи на открытии памятника Пушкину как наследники великой традиции, пытаясь объединить современников «веселым именем» Пушкина.

Светский лев: роковая любовь

Тургенев окончил Петербургский университет в 1837 году, поучился в Берлине, проехался по Европе, сдал магистерские экзамены в Петербурге, мечтая занять кафедру философии, но по стопам Гоголя не пошел и в 1843 году поступил на службу в Министерство внутренних дел. У него был тот же чин, что и у восемь лет служившего Островского, — коллежский секретарь. Начальником его был В. И. Даль, будущий автор знаменитого толкового словаря.

Служба начинающего чиновника, однако, оказалась недолгой. В отличие от Гончарова или Островского Тургеневу не надо было зарабатывать себе на жизнь. В 1845 году, не прослужив и двух лет, Тургенев покидает официальное государственное поприще навсегда.

Вот наш Тургенев на свободе... Строку «Евгения Онегина» можно перефразировать потому, что это сравнение приходило в голову современникам. «В нем было столько общего по всем условиям с Онегиным, что его можно было признать за родного брата пушкинского героя» (В. А. Панаев).

Тургенев с явным удовольствием играл роль светского льва: модно одевался, блистал в салонах, путешествовал.

Он всегда был готов «взбесить эпиграммой» не только врага, но и друга: от острого языка молодого денди страдали многие. Конфликтность Тургенева была необычайной для писателей его поколения. В разные годы у него возникали затяжные распри с Достоевским, Толстым, Гончаровым, Фетом, Некрасовым, Добролюбовым.

«Наука страсти нежной» тоже не оставалась в забвении. В сороковые годы Тургенев переживает несколько романов. Особенно бурными были отношения с Татьяной Александровной Бакуниной. Двадцатипятилетняя экзальтированная девушка, увлеченная литературой и философией немецкого романтизма, увидела в возлюбленном едва ли не воплощение божественного идеала.

«О, Вы были мне больше, чем брат, больше, чем друг. Вы были Христом моим, и я до земли склонялась перед Вами. Я Вам молюсь. Вас благословляю, Вас благодарю за все. В Вас я узнала все величие Бога, всю беспредельную любовь его».

На фоне такого стиля письмо пушкинской Татьяны может показаться очень трезвым и уравновешенным.

«Премухинский роман» (Премухино — усадьба Бакуниных) длился полтора года (1841 — 1842). В нем отчетливо проявились уже сложившиеся особенности тургеневского характера и были проиграны сюжеты будущих романов писателя. Активной стороной в *ситуации rendez-vous* была женщина. Молодой человек принимал поклонение, иронизировал, подавал надежду, но в решающий момент дал отказ, сопровождаемый, впрочем, поэтическими оговорками.

«Послушайте, клянусь Вам Богом: я говорю истину — я говорю, что думаю, что знаю: я никогда ни одной женщины не любил более Вас — хотя не люблю и Вас полной и прочной любовью. <...> Ваш образ, Ваше существо всегда живы во мне, изменяются и растут и принимают новые образы... Вы моя Муза».

Высокие платонические отношения перемежались с поцелуями «белянок чернооких»: быт Спасского-Лутовинова как большого дворянского имения способствовал этому. В 1842 году у белошвейки Авдотьи Ивановой родилась незаконная дочь Пелагея. Через несколько лет она будет перевезена во Францию и станет Полиной Тургеневой. (Тургенев как будто оправдывает ироническую характеристику старушки Лариной: «Звала Полиною Прасковью».)

*П. Ф. Соколов.
Портрет П. Виардо.
Конец 1830-х*

«Кружение сердца» прерывается в один день не менее роковым знакомством, чем встреча Павла Петровича Кирсанова с княгиней Р. 1 ноября 1843 года в Петербурге Тургенев знакомится с французской оперной певицей Полиной Виардо. Этот день своей жизни он назовет «священным».

Двадцатидвухлетняя замужняя француженка (муж, журналист Луи Виардо, двадцатью годами старше жены) была не очень красива, преобразаясь только на сцене. В отличие от Тургенева, она оказалась трезвым, расчетливым, уравновешенным человеком.

В сюжете «премухинского романа» словно поменялись знаки. Теперь мужчина готов на любые подвиги для своей Дульсинеи, Прекрасной Дамы. Он колеблется между обожествлением этой женщины и рабством у нее. Он беспрерывно говорит о своих чувствах, вызывая иронические замечания друзей. «Ну можно ли верить в такую трескучую любовь, как ваша?» — сказал занятый карточной игрой Белинский, услышав об очередном «чудном мгновении»: у Тургенева болела голова и Полина (сама!) потеряла ему виски одеколоном.

Она же спокойно принимает все знаки поклонения, но не подает никаких надежд, иногда признаваясь знакомым, что «немного устала от изъятий любви, разделить которую она не может».

**Писатель-скиталец:
западник — о России**

Похожесть Тургенева на пушкинского героя была, впрочем, относительной. За маской Онегина скрывались недюжинная образованность и несомненный, пока еще ищущий себя талант.

Тургенев быстро становится своим среди людей сороковых годов. Он дружит с Н. Станкевичем (в 1840 году этот

замечательный, но ничем не успевший проявить себя основатель кружка «своего имени» умирает на руках Тургенева в Италии), М. Бакуниным (брат Т. А. Бакуниной в будущем станет знаменитым революционером-анархистом, прототипом главного героя романа «Рудин»), В. Белинским (ему будут посвящены «Отцы и дети»), П. Анненковым (он будет многолетним главным читателем и литературным советником Тургенева). Позднее Тургенев близко знакомится со многими литераторами из круга «Современника» — Некрасовым, Толстым, Гончаровым, Фетом.

В это время раз и навсегда формируются тургеневские идеалы. Идеологически Тургенев всегда был *либералом-западником*, выступающим за медленное, эволюционное развитие России по европейскому пути. Главным его врагом поэтому оказывается крепостное право, в наибольшей степени отделяющее Россию от Европы. Страшные и жестокие его проявления он наблюдал в детстве в собственном семейном быту.

Сочинять Тургенев начинает в середине тридцатых годов. В отличие от Островского или Гончарова он далеко не сразу находит свой путь. Литературные опыты первого десятилетия очень разнообразны: Тургенев пробует себя во всех литературных родах.

Полина Виардо потом вспоминала, что поклонник был представлен ей как «молодой русский помещик, славный охотник и плохой поэт». Однако среди подражательных элегий и поэм в духе «натуральной школы» было стихотворение «В дороге» (1843), ставшее еще при жизни Тургенева знаменитым романсом «Утро туманное» (его поют и сегодня). Позднее А. Блок напишет стихотворение «Седое утро» с эпитафией из Тургенева (1914) и так же озаглавит сборник своих стихов (1920).

Кроме стихов Тургенев сочиняет сцены и комедии. За десять лет (1843 — 1852) их было написано около десятка. Самой известной стала комедия «Месяц в деревне» (1850). В ней предсказаны некоторые особенности чеховской драмы.

Но окончательно находит себя писатель в эпосе, повествовательной прозе. В 1847 году в журнале «Современник», когда-то основанном Пушкиным, а теперь, после долгого прозябания, перешедшем под редакторство Некрасова, в отделе «Смесь» публикуется очерк из народного быта «Хорь и Калиныч», ставший началом «Записок охотника»

(1847 — 1852). В этой книге, как заметил Белинский, читая самые первые очерки, автор «зашел к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто еще не заходил».

Тургенев выполнял «аннибаловскую клятву»*: он писал книгу о народе, страдающем под гнетом крепостного права («Бурмистр», «Контора»). «Некоторые англичане и французы до сих пор не прочь думать, что крестьян освободили у нас потому, что Тургенев написал свои “Записки охотника”», — заметил уже в начале двадцатого века историк М. М. Ковалевский.

Но одновременно создавалась поэма о русской природе и загадках русской души («Певцы», «Бежин луг», «Лес и степь»), возникала русская проза, которая удивляет своей поэзией и правдой. «В ней столько жизни и замечательная сила таланта, — восхищался книгой Ф. И. Тютчев в письме жене. — Редко соединялись в такой степени, в таком полном равновесии два трудно сочетаемых элемента: сочувствие к человечеству и артистическое чувство. С другой стороны, не менее замечательное сочетание самой интимной реальности человеческой жизни и проникновенное понимание природы во всей ее поэзии».

Со времени «Записок охотника» проза становится главным делом Тургенева-писателя. Но поиски новых тем и жанров непрерывно продолжались.

Наряду с книгой о мужицкой, крестьянской России, в которой люди «образованного общества» мелькают лишь на периферии, Тургенев сочиняет рассказы и повести, где они оказываются главными. Писатель находит несколько важных сюжетных ситуаций и художественных формул.

В «Дневнике лишнего человека» (1850) появляется определение героя времени, которое не только станет важным для понимания других романов, но и будет распространено на персонажей предшествующей русской литературы. В «Асе» (1857) благодаря статье Чернышевского будет обнаружена ключевая для тургеневских произведений ситуация *rendez-vous*. В «Фаусте» (1856) выяснится важность для понимания современного человека «вечных образов» мировой культуры. Об этом же Тургенев будет прямо говорить в статье «Гамлет и Дон Кихот» (1859).

Так, прямо на глазах читателей складывалась концепция и готовилась поэтика главного создания Тургенева: цикла из шести романов, в совокупности представляющих

исторические типы героя времени с сороковых до семидесятых годов. Издавая собрание сочинений в 1880 году, Тургенев в предисловии специально подчеркнул единство этого замысла.

«Автор “Рудина”, написанного в 1855 году, и автор “Нови”, написанной в 1876-м, является одним и тем же человеком. В течение всего этого времени я стремился, насколько хватало сил и умения, добросовестно и беспристрастно изобразить и воплотить в надлежащие типы то, что Шекспир называет: “the body and pressure of time” <самый образ и давление времени (англ.)>, и ту быстро изменяющуюся физиономию русских людей культурного слоя, который преимущественно служил предметом моих наблюдений».

Тургенев говорит об «авторе» как об «одном и том же человеке». Речь здесь идет об авторе как *создателе*, об авторе как *носителе художественного смысла* (хотя и в данном случае исследователи отличают два последних романа «Дым» и «Новь» от предыдущих). Но то же самое нельзя сказать об авторе как *человеке*.

Жизнь Тургенева в эти десятилетия проходит в постоянных скитаниях, полна неожиданных поворотов, встреч и разрывов.

В 1850 году внезапно умирает мать, и Тургенев вместе с братом становится настоящим наследником (до этого Варвара Петровна, стремясь порвать отношения сына с «ведьмой» Виардо, практически отказала ему в средствах).

В апреле 1852 года, после публикации некролога Гоголю, писателя месяц содержат в заключении (в это время пишется рассказ «Муму»), а затем ссылают в Спасское-Лутовиново. Он проводит в родном имении полтора года, тайно отлучаясь в Москву для свидания с Полиной Виардо.

Во второй половине пятидесятых годов Тургенев кочует из России в Европу и обратно. Во Франции сочиняются многие очерки «Записок охотника», на английском острове Уайт возникает замысел «Отцов и детей».

* Крылатое выражение, восходящее к древней истории: карфагенский полководец Аннибал (Ганнибал) еще в детстве дал клятву быть врагом Рима и следовал ей всю жизнь.

стидесятые годы рвется. Этому способствуют как надвигающиеся исторические катаклизмы (поражение России в Крымской войне, новое царствование, подготовка и осуществление крестьянской реформы), так и личные обстоятельства (различие взглядов, дележка «лаврового венка славы»).

Почти каждый тургеневский роман, принося автору читательский успех, провоцирует какой-либо разрыв.

«Дворянское гнездо» навсегда разводит Тургенева и Гончарова. Автор будущего «Обрыва» до конца жизни не сможет избавиться от подозрений, что в этом романе использован его сюжет.

«Накануне» приводит к уходу Тургенева из «Современника». Статья Добролюбова «Когда же придет настоящий день?» провоцирует категоричный вопрос, поставленный перед Некрасовым: «Я или Добролюбов?» Редактор журнала выбирает Добролюбова, ощущая, куда дует ветер: людей сороковых годов в общественной жизни сменяют «новые люди». Poleмическое отношение к ним Тургенева отражает злая шутка: «Чернышевский — простая змея, а Добролюбов — змея очковая». Иногда Тургенев добавлял, что Писарев — гремучая змея.

Вскоре доходит очередь и до Толстого. Споры между ним и Тургеньевым были постоянным фоном в кругу «Современника». Появившись в журнале позже других литераторов сороковых годов, Толстой сразу обозначил свою бытовую непримиримость и нравственную требовательность. А. А. Фет отметил в нем «невольную оппозицию всему общепринятому в области суждений» и вспомнил, как был «свидетелем того отчаяния, до которого доходил кипятящийся и задыхающийся от спора Тургенев на видимо сдержанные, но тем более язвительные возражения Толстого».

«— Я не могу признать, — говорил Толстой, — чтобы высказанное вами было вашими убеждениями. Я стою с кинжалом или саблюю в дверях и говорю: “Пока я жив, никто сюда не войдет”. Вот это убеждение. А вы друг от друга стараетесь скрывать сущность ваших мыслей и называете это убеждением.

— Зачем же вы к нам ходите? — задыхаясь и голосом, переходящим в тонкий фальцет ... <...> говорил Тургенев. — Здесь не ваше знамя! Ступайте к княгине Белосельской-Белозерской!

— Зачем мне спрашивать у вас, куда мне ходить! и праздные разговоры ни от каких моих приходов не превратятся в убеждения» («*Мои воспоминания*»).

Толстой и Тургенев — люди одного социального круга и, в общем, одного поколения. Но нет ли у нас впечатления, что это репетиция будущего романа, что здесь в непримиримом конфликте столкнулись «отцы и дети»?

В мае 1861 года в имении Фета ссора писателей, почти как в романе, едва не привела к дуэли. Примирение произошло только через семнадцать лет.

Вскоре происходит разрыв и с самим Фетом. Пореформенная русская жизнь, которая издаലെка виделась привлекательной, на самом деле оказалась малопонятной для Тургенева. После освобождения крестьяне не были преисполнены благодарности к доброму барину. Мудрый Хорь и поэтичный Калиныч остались на страницах «Записок охотника».

Нанятый Тургеневым управляющий, его собственный дядя, приятель Фета, тоже оказался не очень умелым хозяином и почти разорил имение. Истоиво взявшийся за собственное фермерское хозяйство, Фет теперь постоянно спорит с Тургеневым по поводу новых отношений в деревне.

«Тургенев вернулся в Париж, вероятно, с деньгами брата и благодетельствовав Россию, то есть пустив по миру своих крестьян ... <...> порубив леса, вспахав землю, разорив строения и промотав до шерстинки скотину. Этот любит Россию.

Другой роев в безводной степи колодец, сажает лес, сохраняет леса и сады, разводит высокие породы животных и растений, дает народу заработки — этот не любит России и враг прогресса» (Фет — Л. Н. Толстому, 28 марта 1879 года).

Тургеневский характер и убеждения не совпадали с потребностями эпохи. Тургенев стремился к объективности и снисходительности, он хотел всех понять и всех примирить. Боевая эпоха шестидесятых годов чем дальше, тем больше требовала экстремистов, фанатиков, подвижников, борцов.

Тургенев пытался быть «трезвым среди пьяных» — и не преуспел.

«Отцы и дети», как ему показалось, поссорили писателя со всем русским обществом. Понимающие, поддерживающие голоса Н. Н. Страхова и Д. И. Писарева утонули в хоре обвинений и проклятий «слева» и «справа». В статье

«По поводу отцов и детей» Тургенев вспомнит о «любопытной коллекции писем и прочих документов», сопровождающих появление романа. «В то время как одни обвиняют меня в оскорблении молодого поколения, в отсталости, в мракобесии, извещают меня, что с “хохотом презрения сжигают мои фотографические карточки”, — другие, напротив, с негодованием упрекают меня в низкопоклонстве перед этим самым молодым поколением».

**Хранитель предания:
культура как родина**

С начала шестидесятых годов Тургенев большую часть времени живет за границей, лишь изредка и ненадолго приезжая в Россию. Он чувствует приближение старости, хотя ему еще нет пятидесяти лет. Меняется его характер, и постепенно определяется его новая роль: хранитель предания, пропагандист русской культуры, представитель русской литературы в Европе. Один из мемуаристов называет его «послом от русской интеллигенции».

Тургенев делает прозаический перевод поэмы Лермонтова «Мцыри», представляет французскому читателю «Историю одного города», «Грозу», «Двух гусаров» и «Войну и мир».

Кружок «Современника» сменился в Париже кругом известных французских литераторов. Вместе с Э. Гонкуром, А. Доде, Э. Золя, Г. Флобером Тургенев образует так называемое «Содружество пяти». Как хранитель культуры, в кругу своего общения он соединяет вещи трудно соединимые. Он поддерживает отношения со своими старыми приятелями, крупными чиновниками и одновременно помогает русским революционерам-эмигрантам. Он заботится о переводе «Войны и мира» и в то же время рекомендует в журнал «Вестник Европы», где сам сотрудничает, произведения начинающих, никому не известных писателей.

В личной его жизни, однако, мало что меняется. Тургенев по-прежнему существует «на краешке чужого гнезда», живет по соседству с семейством П. Виардо сначала на немецком курорте Баден-Баден, потом, после франко-германской войны, — под Парижем, в местечке Буживаль. Его дочь Полина, перевезенная в Париж, забывает русский язык, выходит замуж за французского предпринимателя, в общем, оказывается чужим человеком.

Романы «Дым» и «Новь» не имеют прежнего успеха, но личность Тургенева приобретает все бóльшую популярность. Европейские писатели, знакомые Тургенева, дружно восхищаются великаном с добрыми глазами и седой головой, напоминающим героя волшебных сказок.

Примирение с русским обществом происходит в 1879 году, во время очередного приезда в Россию. В Москве в честь писателя устраивают несколько торжественных обедов. Тургенева приветствуют студенты, профессора, адвокаты — старые и молодые интеллигенты-либералы.

В одной из ответных речей писатель, кажется, предлагает оптимистический финал «Отцов и детей»:

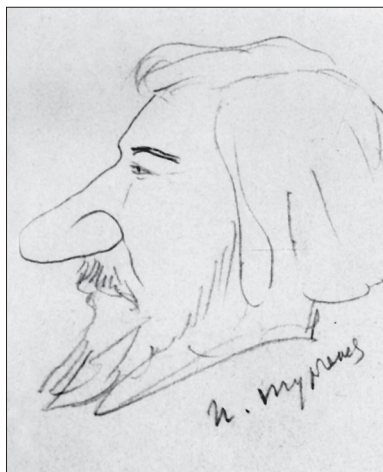
«Говорящий в эту минуту перед вами написал 16 лет тому назад роман “Отцы и дети”. В то время он мог только указать на рознь, господствующую между поколениями; тогда еще не было почвы, на которой они могли сойтись. Эта почва теперь существует — если не в действительности, то в возможности; она является ясною глазам мыслителя».

О том же «чувстве единодушия» говорил Тургенев и через год, 27 мая (7 июня), на открытии памятника Пушкину. Когда-то, в начале жизни, Тургенев гордился случайными встречами с поэтом. Теперь, сам став знаменитым писателем из уходящего поколения «отцов», вслед за Достоевским и Островским, которые тоже произносили речи на открытии памятника, он пытался объединить современников «веселым именем» Пушкина.

Но это были мечта, самообольщение. Шестнадцать лет назад писатель был прозорлив, теперь — прекраснодушен. Он говорил о преодолении разрыва, в то время как этот разрыв стремительно увеличивался. «Преступные увлечения» молодежи, о которых Тургенев упоминал снисходительно, оказались сильнее примирительных слов. Поколения разделили уже не идеологические барьеры, а реальная кровь: идеологические убийства, виселицы и новые убийства.

1 марта 1881 года история России в очередной раз переломилась. Тургенев еще услышал взрыв на Екатерининском канале*.

* 1 марта 1881 года народолюбцами был убит император Александр II, на престол вступил его сын Александр III.

И. С. Тургенев. Автошарж.
1878

Художник, впрочем, догадался о том, чего не хотел замечать опьяненный атмосферой праздника публицист. «Готова ли ты на преступление?» — спрашивает испытующий голос русскую девушку. «И на преступление готова», — твердо отвечает она, потупив голову («Порог», 1878).

Последней заветной работой Тургенева становится цикл «Стихотворения в прозе». Опираясь на традиции французской литературы, Тургенев вводит в русскую литературу новый жанр: прямое лирическое размышление (в сущности — *прозаическую элегию*) или короткую историю (маленькую *новеллу*, *анекдот* с моральным выводом или элегическим вздохом).

Темы стихотворений повторяют многие традиционные лирические мотивы: любовь, воспоминания, природа, смерть. Композиционным кольцом цикла оказывается тема Родины.

«Последний день июня месяца; на тысячу верст кругом Россия — родной край.

Родной синевой залито все небо; одно лишь облачко на нем — не то плывет, не то тает. Безветрие, теплынь... воздух — молоко парное!» — таким идиллическим пейзажем начинается «Деревня» (1878).

А заканчивается опубликованная при жизни Тургенева часть книги стихотворением «Русский язык». Единство и величие народа Тургенев в этом манифесте-завещании ставит в зависимость от «великого, могучего, правдивого и свободного русского языка». Это не просто риторический лозунг, а глубокая мысль. Язык может объединить людей в большей степени, чем национальность, место жительства или подданство. Созданная на этом языке культура переживет и людей, и государства. *Русский мир* будет существовать поверх границ, пока существуют объединяющие его язык и литература, на нем созданная.

В этом смысле замечателен последний культурный жест Тургенева. Узнав о смертельной болезни, в начале июля

1883 года он пишет последнее письмо Толстому, не раз заявлявшему о своем уходе из литературы.

«Милый и дорогой Лев Николаевич! Долго Вам не писал, ибо был и *есмы*, говоря прямо, на смертном одре. Выздороветь я не могу, — и думать об этом нечего. Пишу же я Вам, собственно, чтобы сказать Вам, как я был рад быть Вашим современником — и чтобы выразить Вам мою последнюю искреннюю просьбу. Друг мой, вернитесь к литературной деятельности! Ведь этот дар Вам оттуда же, откуда все другое. <...> Друг мой, великий писатель русской земли — внимлите моей просьбе!» —

умоляет Тургенев, защищая главное, чему он служил всю жизнь: русскую литературу.

Он умирал долго и тяжело от страшной болезни — рака спинного мозга. В парижской квартире Тургенева русских не было, но в последние часы он заговорил на русском языке. «Прощайте, мои милые, мои белесоватые...» — произнес Тургенев загадочную фразу.

Люди девятнадцатого века часто думали о смерти и заблаговременно готовились к ней. Тургенев выразил желание быть похороненным рядом с Пушкиным, но добавил, что недостойн лежать рядом с ним. (Да и кто бы мог отправить его в семейное пушкинское захоронение в Святогорском монастыре?) Поэтому он выбирает другое место: рядом с Белинским, которому когда-то посвятил «Отцов и детей». В последний путь на Волково кладбище гроб сопровождало множество людей.

Одну из самых важных мыслей о тургеневском творчестве высказал журналист и издатель А. С. Суворин: «Среди общества юного, настроенного или меланхолией, или литературой, он явился учителем. Он создавал образы мужчин и женщин, которые становились образцами. Он давал моду. Его романы — это модный журнал, в котором он был и сотрудником, и редактором, и издателем. Он придумывал покррой, он придумывал душу, и по этим образцам многие россияне одевались».

Похоже о тургеневских девушках выразился Л. Н. Толстой: «Может быть, таковых, как он писал, и не было, но когда он написал их, они появились. Это — верно. Я сам потом наблюдал тургеневских женщин в жизни».

В начале жизни человек должен часто оглядываться вокруг. Ему приходится выбирать не только друзей и знако-

мых, но и кумиров, образцы, идеалы. В современной культуре эту роль обычно играют знаменитые актеры, эстрадные и спортивные звезды. В русской культуре XIX (и отчасти XX) века образованные молодые (и не обязательно молодые) люди образцы для подражания искали прежде всего в литературе. Неслучайно одно из самых старых определений искусства — подражание.

Искусство подражает жизни, жизнь, в свою очередь, искусству.

Тургенев, как мы помним, в юности подражал Онегину. Потом уже его произведения стали моделями, образцами поведения для следующих поколений.

Среди своих современников Тургенев в этом отношении был вне конкуренции. «Отцы и дети» — книга, обладающая наибольшей моделирующей силой.

Вслед за Толстым можно было бы сказать: Тургенев написал нигилиста — и они появились в жизни!

основные даты жизни и творчества

1818, 28 октября (9 ноября) — родился в Орле.

1833 – 1837 — учеба в Московском и Петербургском университетах.

1838 – 1841 — учеба в Берлинском университете.

1843 — знакомство с Полиной Виардо.

1847 – 1852 — работа над книгой «Записки охотника».

1852 – 1853 — ссылка в Спасское-Лутовиново за написание некролога Гоголю.

1856 — публикация романа «Рудин» (журнал «Современник», № 1—2).

1859 — публикация романа «Дворянское гнездо» (журнал «Современник», № 1).

1860 — публикация романа «Накануне» (журнал «Русский вестник», № 1—2).

1862 — публикация романа «Отцы и дети» (журнал «Русский вестник», № 2).

1867 — публикация романа «Дым» (журнал «Русский вестник», № 3).